

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

— Светлана, у вас так удачно складывается писательская судьба, недавно две ваши книги «У войны — не женское лицо» и «Последние свидетели» удостоены премии Ленинского комсомола. Задумывались ли вы над причиной успеха своих книг у молодежи?

— Когда я начинала работать над своей первой книгой, мне еще не было тридцати лет, и я была ближе к этим новым молодым людям, потому что через десять — пятнадцать лет это уже другие люди, у них свои взгляды, свои слова. Помню первые ощущения. Смотрела какой-то фильм, он меня трогал. Но сидела рядом со мной девочка и ела мороженое. Говорила с подружкой — и все. И я подумала, что вот удивительная вещь — связь поколений. Сидела впереди нас женщина пожилая — она плакала. А девочка сидела и ела мороженое. Я как раз работала над книгой. Постепенно понимая: что бы я ни писала, мне всегда надо иметь в виду эту девочку с мороженым. Прежде всего — ее. Не моего отца, не женщину, которая плакала, а именно ее, эту де-

ву, может исчезнуть какой-то вид животного, травы, хотя это тоже не бесследно для человека, для биосферы, но исчезновение хотя бы одного чувства из гуманистического потенциала человечества — это самое опасное.

Я убеждена, что самая ценная особенность нашего общества — это сохранившаяся личность. Очень трудно стать личностью, но еще труднее сохраниться как личность. На мой взгляд, мы сохранились в своей непохожести. Свой взгляд, свое мировоззрение, мироощущение, свои оценки, свои эмоции. Ведь проще всего брать идеи направо, жить направо. Сложнее — по-своему, сохраняя индивидуальность. Литература, как никогда, сегодня должна защищать, спасать накопленный человеческий потенциал, развивая его.

— Как же важна тут связь поколений, взаимопонимание между отцами и детьми...

— Конечно! Ведь мы пишем книги, издаем газеты и журналы в основном поколением отцов. А направлено

что именно такой Павлик им близок и понятен.

Мне вспоминается в связи с этим разговор с писателем Адамовичем. Он рассказал о встрече с одной девочкой, у которой увидел фотографию нациста. К сожалению, есть сейчас и такое. Спросил: ну как можно повесить на шею такой дикий амулетик ей, внучке партизана? Ведь до сих пор страшно ходить по нашим белорусским лесам, где хоронили людей под дубами, под березами, — а мы там теперь грибы собираем. Деды, отцы, внуки — это же все очень связано. У нас у каждого о войне есть семейная память. Память народа стала памятью каждого человека. А девочка говорит: разве вы сами не замечали, какие в кино наши офицеры, солдаты? В широких сапогах, некрасивые, с одинаковыми лицами? А немцы? Форма — с иголочки. Манеры...

Тогда я и задумалась: оказывается, для новых молодых людей очень важно оформление. Не только конфеты надо выпускать в красивых коробках. Идеи должны быть тоже в упаковке своего времени.

Сегодня людям нужны интонации исповедальные. Слишком жестко поставлены вопросы о жизни и смерти. Ведь мы уже говорим о том, что такое ничего. Мы много говорили по Толстому: а зачем все это? Теперь: а что такое ничего? Разница! Ведь когда ты стоишь перед «ничего», так поневоле в тебе возникнут исповедальные интонации. Каждую мою женщину-героиню вроде бы нельзя разглядеть в лицо, но для меня они все вместе — образ поколения. Сегодня, если мы звучим, то звучим коллективно: характерно многоголосое звучание жизни.

— Не отсюда ли ваше главное творческое убеждение, что исторический опыт заключен в каждом человеке, а не в судьбе исключительного героя?

— Самая лицемерная идея в искусстве: дескать, нам нужны исключительные герои. Искусство должно дать человеку силы не подчиниться технике, которую он же сам придумал. Не подчиниться созданной им же атомной бомбе. Войну, которую люди обязательно должны выиграть, это войну против того, чтобы была война. Об этом должна говорить литература. Но говорить опять же — современно. Чем проще убивать в жизни, тем значительнее человеческая жизнь должна быть в искусстве.

Не дело искусства испугать человека. Дело искусства показать тайну жизни, ужас перед тем, что человека можно убить: это чудо, эту тайну...

В духовной работе нужна ювелирная точность. Тут нельзя сказать: это ничего, это ладно... Все время идешь, как по тонкому весеннему льду.

— Кстати, Светлана, а как вы относитесь к тем, кто пришел за нами, — к новым молодым людям, к самым юным?

— Они мне интересны, как все люди. Удивительная вещь происходит: опыт наших детей старше нас самих. Они моложе, сильнее, подвижнее. Они умножают не только наши достоинства, но и недостатки. Почему, например, мы так долго молчали, что у нас есть наркомания, существуют металлисты, рокеры? Почему я об этом не знала? Почему мы все об этом не знали? Потому что нам так было удобнее.

И хотим теперь обвинить детей в том, что у них увлечения не те. За всем этим стоит наше неуважение к ним. Если они нам были неинтересны, значит, мы не уважали их. И они стали нам непонятными, неизвестными. Нам надо вернуть уважение к ним. Уважение должно диктовать интерес — уважение даже к их ошибкам.

— Я думаю, что как раз на это и работает ваш жанр, который вы определяете, как исповедь?

— Я просто хотела, чтобы живая жизнь была в том, что я пишу, чтобы звучала правда. Всегда помню слова Толстого о том, что придет время и писателям стыдно будет выдумывать жизнь, они пойдут ее слушать.

Беседу вела
О. ЕГОРОВА.
(Наш корр.).

Минск.

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ:

СЛУШАТЬ ЖИЗНЬ

вочку, потому что она уже из нового племени. И в ней, нравится нам это или не нравится, заключена оценка будущего.

Думаю, надо все время помнить, что общество не в одном лице. В обществе — многослойность опыта поколений. У каждого своя правда. Мне кажется, что любому художнику, прежде чем творить, надо иметь это юное создание перед глазами. Не подстраиваться, а помнить, что жизнь находится в движении, в обновлении.

Нашим молодым людям, как и мне в свое время, надо было объяснить, что эти книги не о войне. Это книги о человеческой жизни, о том, что люди поняли в экстремальной ситуации о времени, о себе, о других.

— Но главное все же, Светлана, что уровень правды, взятый вами в этих книгах, совпал с нашим общественным представлением о правде...

— Да. Женское ощущение, женское сознание, женская память совпали с интонациями нашего времени. Именно тогда мы говорим о боли живого. Никогда раньше военная литература не говорила о том, что больно дереву, что больно птице или цветам, — самой земле. Женщина внесла новые краски в рассказ о войне. А это и оказалось созвучно нашему сознанию, ведь мы сегодня на уровне самых высоких политических документов и говорим о том, что может исчезнуть все живое. Что победителей в ядерной войне не будет. Ощущение боли живого больше всего присуще женщине, которая дает жизнь. Самое сильное ощущение: она как бы рождает жизнь. Это осознание человечности, эта природная боль женщины, — стала нашим новым мышлением о единой общечеловеческой боли в ядерный век. Потому и важна для меня та девочка с мороженым. Будущая женщина.

— Но в том, что она сидела и ела мороженое, наверное, есть тоже своя правда. По чисто биологическим причинам молодой организм будет отталкивать от себя все самое страшное и жестокое.

— Я тоже об этом думаю. Это нормальная защитная реакция. И потом, юности свойственно желание жить в совершенном мире. Но мы живем в несовершенном мире. И если не пробудить в человеке дар сострадания, то наш мир далеко зайдет. Меня как раз настораживает в этой девочке отсутствие чувства сопереживания.

— Когда мы говорим о молодых людях, мы их обвиняем в усталости. Забывая о том, что на них цепь усталости целых поколений. Но природа человеческая не изменилась. Меняется внешний мир.

— Вот здесь я должны многое сделать литература и искусство. Единственное, что может дать равновесие в этом

Фото А. КАРЗАНОВА.

все это на детей. Забываем, что у каждого поколения есть своя эстетика. Приходят совершенно новые люди, и получается, что так же, как они, в семье друг друга не слышат, они не слышат друг друга и в обществе.

Именно здесь, мне думается, и нужна перестройка. В нашей пропагандистской работе мы часто используем стертый эмоциональный ряд. Отцов он устраивает: «В критической обстановке она брала в руки автомат и умело и стойко отбивала атаки гитлеровцев...» Но ни один молодой современный человек этого читать не станет. Ничего, кроме вреда, такой подход не принесет. В душе не вызовет никаких звуков. Я об этом много думала, и отсюда у меня пошли детали. Вот такая, например: убитые лежали на поле, рассыпанные, как картошка. Очень многие запомнили почему-то именно эту деталь в книге. Значит, это уже говорило что-то о сознании. Или еще: женщина рассказывала, что после войны подарили ей красный материал, а она не могла ничего из него шить.

Фронтовики, кстати, потому и не сразу приняли мои книги: им казалось, в них мало героизма. Не понимая порсий, что сами же и высказали мне ту истинную правду, за которой я пришла. Не считая, что она столько лет мучила их же душу. Так что даже на примере, как мои книги принимали пожилые и молодые люди и как они сталкивались во мнениях, могу говорить, как не просто поколениям понять друг друга.

— Светлана, а к какому поколению вы чувствуете ближе себя?

— Часто ловлю себя на мысли об удивительном чувстве. У меня нет ощущения своего поколения. Я межпоколенный человек. Сколько во мне памяти разной. Помню новый фильм — о Павке Корчагине? Там Павлик сегодняшний. И вдруг слышу протест: Павлик не похож на того, каким он был на самом деле! Это говорило поколение отцов. Костюмов, дескать, в то время таких не было. Того, другого не было. Но многие подростки говорили,